

## Отзыв

официального оппонента кандидата искусствоведения, доцента  
Жигановой Светланы Александровны  
на диссертацию Ивановой Марии Николаевны  
**«Варианты лирической песни “Сон молодца” в фольклорных традициях  
России: проблемы музыкальной типологии и стиля»**,  
представленную на соискание ученой степени кандидата искусствоведения  
по специальности 17.00.02 – Музыкальное искусство (искусствоведение)

Диссертация М. Н. Ивановой обращается к проблематике, обсуждение которой в кругах отечественных профессиональных музыкантов началось полтора века назад, но ничуть не утратило своей актуальности и в наши дни. Это сложнейшая проблема исторического развития фольклора, в русле которой в числе прочих осуществляются сравнительные исследования песен с единой сюжетной основой, бытующих в разных региональных традициях. Отчего некоторые песни имеют узколокальные, а другие огромные ареалы распространения на восточнославянской культурной карте? Случайно ли структурное сходство песен из сел и деревень, разделенных десятками и сотнями километров, или закономерно, и доказательства этому можно найти? Ответы на эти волнующие фольклористов вопросы вырабатываются в ходе многолетнего поиска материала, скрупулезного его анализа. Результаты подобной работы отражает представленная к защите диссертация Марии Николаевны Ивановой, объектом которой являются «закономерности бытования и исторического развития лирических песен в системе региональных песенных традиций России», а предметом – «стилевые особенности и типологические отношения вариантов лирических песен, объединенных сюжетом «Сон-предзнаменование несчастливой судьбы (солдатства/гибели) молодца» (с. 4).

Историю формирования сравнительного метода Мария Николаевна подробно освещает во Введении диссертации. Наличие большого числа исследователей (П. В. Киреевского, М. А. Стаховича, А. А. Григорьева, А. И. Соболевского, Н. М. Лопатина, В. П. Прокунина, Е. Э. Линевой,

Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд, А. В. Рудневой, Б. И. Рабиновича, М. А. Енговатовой, И. И. Земцовского и др.) и трудов, созданных в данном направлении, не противоречит **актуальности** диссертационного исследования М. Н. Ивановой. Она обусловлена опорой на обширный **корпус новых материалов**, которые стали доступны благодаря многочисленным публикациям фольклорных сборников и документальных фонограмм на современном этапе. В результате всестороннего изучения темы диссертантом были выявлены варианты фольклорного текста на значительной территории, охватывающей ряд западно- и северно- и южнорусских регионов, земли донского, терского, кубанского, уральского казачеств. К анализу привлечены как фонозаписи, подвергшиеся расшифровке, так и ранние публикации поэтических текстов без напевов, ноты, опубликованные в сборниках прошлых лет. Солидное впечатление производит перечень научных организаций Санкт-Петербурга, Москвы, Воронежа, Ульяновска, личных архивов собирателей, материалы из которых исследованы автором. Скрупулезность поиска не вызывает сомнений. Хотя общее количество образцов кажется не слишком большим для масштаба кандидатской диссертации (107 всего, и только 60 с напевами), в подавляющем большинстве случаев это обширные, сложноорганизованные музыкально-поэтические тексты, собрание расшифровка и тщательный анализ которых – большой и ценный труд.

Второй важный фактор в пользу актуальности и новизны диссертации – выбор широкого спектра **современных методов анализа**. Методологическая широта работы М. Н. Ивановой – ее отличительная особенность, заслуживающая высокой оценки. Типологическая проблематика является одной из важнейших в данном исследовании. Значительное число песенных вариантов объясняет доминирование методов компаративистики. Являясь представителем петербургской школы этномузыкологии, М. Н. Иванова опирается на исследовательские принципы и позиции А. М. Мехнецова и его научной школы. При анализе ритмической

организации песенных вариантов Мария Николаевна зачастую обращается к структурно-типологическому методу Е. В. Гиппиуса и школы гнесинских фольклористов (Б. Б. Ефименковой, М. А. Енговатовой, Т. В. Дигун, О. А. Пашиной), при анализе интонационной-ладового строения напевов – на методы петербургских музыковедческой школы (Б. В. Асафьева, Е. А. Ручьевской, Т. С. Бершадской, Ф. А. Рубцова). Используются также методы классификации, картографирования структур, метод определения коэффициента распева. Таким образом, введение в научный оборот новых материалов, пополнивших историческую базу, а также широта и логичный оправданный выбор диссертанткой методологии исследования определяют его актуальность.

В структурном отношении диссертации М. Н. Ивановой также свойственен широкий масштаб. Помимо Введения и Заключения исследование включает в себя пять глав, которые имеют необычное соотношение: от общеорганизующей Первой главы, в которой описаны выявленные три варианта исследуемого сюжета, радиальные смысловые векторы проходят к главам 2 – 5. В главах 2 – 4 исследуются образцы первого и второго варианта, распространение которых локально и затрагивает западно-, севернорусский регион, а также казачьи традиции. Глава 5 посвящена анализу вариантов с третьей версией сюжета. Автор отмечает их общерусское распространение и усматривает в этой группе признаки единого песенного типа. Таким образом, большое количество глав логично и оправдано аналитической картиной, полученной в ходе работы с материалом.

Структурная одноположность усматривается и в наполнении глав. В Первой по очереди разбирается три версии сюжета о несчастливом сне молодца. Выделено скрепляющее все версии «ядро» сюжета (собственно сон, его содержание), определяющее причастность к нему всех вариантов, и различные содержательные «выходы», послужившие основанием для формирования трех сюжетных групп. Данная глава содержит интересные и

легкочитаемые таблицы, удачно иллюстрирующие сюжетную морфологию. Главы, посвященные анализу музыки, в обязательном порядке включают по два параграфа, посвященных, соответственно, композиционно-ритмической и звуковысотной (мелодические, ладовые и фактурные особенности) организации материала. В наполнении глав присутствует и некоторое тематическое разнообразие. Западные и севернорусские варианты песен о недобром сне молодца в главах 2 и 3 имеют дополнительные параграфы: глава 2 – 2.3 «Своеобразие исполнительского стиля: соотношение мужской и манеры пения», глава 3 – 3.3 «Жанрово-стилевые особенности севернорусских и камско-вятских напевов: связь с вокальными традициями». В главах 4 и 5, посвященных вариантам песен в казачьих традициях и общерусского распространения, таких дополнительных аспектов описания не имеется.

Нельзя не отметить важности Приложений к диссертации, включающих 22 нотированных образца и Список выявленных вариантов исследуемого сюжета. Несмотря на обилие нотных примеров в тексте, аналитических схем и таблиц, автор оставляет возможность читателю самостоятельно оценить материал. Список вариантов может явиться базой, открытой для дальнейшего пополнения, в том случае, если новый материал еще выявится.

Наиболее важными результатами проведенного диссертационного исследования по мнению рецензента являются следующие:

1. Введение в научный оборот нового массива материала, являющегося результатом скрупулезной архивной и библиографической работы.

2. Структурный анализ поэтической основы песни «Сон молодца», представленной в значительном числе вариантов (107), выделение трех версий сюжета, которые дали в ходе исследования ясную картину локализации на территории.

3. Выявление межжанровых сюжетных параллелей при сравнении лирических песен с текстами былин, духовных стихов, баллад, образцов календарно-обрядового фольклора. Неоспоримое сходство их содержания даёт новый импульс для осмысления истории формирования и развития восточнославянских фольклорных жанров.

4. Применение широкого спектра методов при анализе музыкальной организации песен. При доминировании сравнительного метода, большую роль сыграл структурно-типологический, а также ряд иных современных методов анализа. Данный методологический подход обеспечил подъем уже известного в науке тематического направления на новый аналитический уровень.

Полученные в работе результаты представляются **обоснованными**, поскольку базируются на актуальных методах текстологического и сравнительного анализа, прошли обсуждения на российских и международных научных конференциях, изложены в ряде научных публикаций автора.

Вместе с тем к диссертации М. Н. Ивановой имеются некоторые **замечания** (в основном, рекомендательного характера), **и вопросы**.

Одним из основных понятий исторического и типологического анализа, используемого в диссертационном исследовании, является понятие песенного типа. Упоминается его использование рядом известных фольклористов, при этом смысл термина зачастую трактуется неодинаково. В методологическом обосновании работы М. Н. Иванова подтверждает намерение следовать принципам А. М. Мехнецова: «<...> осуществляется опыт выявления песенного типа по совокупности вариантов на основе определения главных («глубинных») типических свойств поэтического текста и напева» (с. 21). В результате осуществленного анализа признаки песенного типа автор усматривает лишь в вариантах третьей версии сюжета, имеющей общерусское распространение (бытование в западном, поволжском, южнорусском, казачьих регионах). Прошу в ходе защиты более

четко сформулировать релевантные признаки песенного типа и ответить на вопросы: Развивается ли понятие «песенный тип» под влиянием современных исследований? Внесла ли Ваша работа коррективы и в это понятие?

Определенное замечание вызывает несколько конспективное исследование сюжета «Сон молодца» в казачьих традициях. Возможно, конкретных песенных образцов с сюжетом о несчастливом сне молодца обнаружено не так уж много, но одним из основных в воинских лирических песен является образ убитого казака, лежащего в поле, и формы его оплакивания («Ой, на гори огонь горыть», «Ой, на гори ячминь, пид горою жито» и др.), что не может не перекликаться с сюжетами третьей группы. Образ убитого воина становится здесь центральным, узловым, порождает различные варианты окончания сюжета. Не стоило ли продолжить здесь линию внутрижанровых и межжанровых сравнений, предложенных в главах 2 и 3, используя бытование сюжета в казачьих культурах в новом содержательном контексте?

Во втором положении на защиту и в главах диссертации М. Н. Иванова констатирует различный характер смыслового наполнения и изложения основного содержания сюжета и относит его образцы «к жанровым группам исторических, рекрутских, а также ранним формам молодецкой лирики»(с. 25). Базируется ли выделение жанровых групп лирических песен на особенностях сюжета, либо функции, сопряжено ли оно со стилевым разнообразием образцов различных групп?

Еще одно важное для проблематики исследования понятие, используемое в работе – понятие типологической преемственности, введенное в научный оборот Б. Н. Путиловым в контексте обсуждения историко-стадиального развития фольклора. Задача выявления исторической связи, преемственности между образцами, относящимися к разным песенным традициям (с. 22), крайне важна для диссертанта. Она решается предложением определенной иерархии ритмической и мелодической

организации песенных вариантов по принципу «от простого к сложному», которая трактуется как принцип последовательного развития. Соглашаясь с общей логикой постепенного усложнения форм, реализующей идею развития в целом (например, развития мелодического начала в лирических песнях), не могу поддержать идею столь жесткой исторической этапности по отношению к формам напевов, «выстроенных» в Заключении на странице 189 («напевы с однострочной композицией»; «напевы с двустрочной композицией» и т.д.). Обращаю внимание диссертанта на содержание доклада на V Всероссийском конгрессе фольклористов ведущего отечественного этномузыколога Е. А. Дороховой «Эволюционные идеи в этномузыкальном знании: история и перспективы», в котором была высказана мысль о неоднородности процессов развития культур, чередовании в них прогрессивных и регрессивных периодов, усложнений и упрощений. Предлагаю ответить на вопрос: Какие именно историко-культурные механизмы могут объяснить типологическую преемственность проанализированного Вами материала на столь обширной территории?

Техническое замечание: на стр. 80-81 перепутаны примеры смоленского и бельского напевов под литерами а) и б).

Несмотря на высказанные замечания, кандидатская диссертация М. Н. Ивановой безусловно производит положительное впечатление. Она является законченным и самостоятельным этномузыкологическим исследованием, которое развивает определенное направление, начатое еще в XIX веке, но в наши дни благодаря вкладу диссертанта достигает нового качества. Автором применяются новые методы решения научной проблемы, выдвигаются новые вопросы и задачи, требующие дальнейшей разработки, и в этом отношении данный труд отвечает критерию научной новизны, он, несомненно, успешен и перспективен. Помимо теоретической, диссертация имеет большую практическую значимость, так как ее материал и научные результаты могут быть использованы в различных исследовательских и просветительских проектах, в преподавании музыкально-фольклорных и

